

Концепты «модус» и «модальность» используются во всех гуманитарных науках. Тем не менее, попытки выявить их смысловой инвариант до сих пор не предпринимались. Анализ применения данных понятий в научном дискурсе показывает, что их методологический потенциал на настоящее время не раскрыт, поскольку не выработано представления о сущности модальности как таковой.

Понятие «модальность» и родственный ему термин «модус» являются многозначными научными терминами, что соответствует их внутренней природе. Концепты «модус» и «модальность» широко используются во всех гуманитарных науках; они активно применяются в психологии, лингвистике, правоведении, логике, богословии, музыкознании в русскоязычной, англоязычной и немецкоязычной литературе. Очевидно, что под модальностью, при всем разнообразии значений этого понятия, в различных научных дисциплинах понимается некое общее явление, особый тип организации реальности. Тем не менее, попытки обобщить на материале различных наук содержание термина «модальность» и выявить его смысловой инвариант до сих пор не предпринимались. Несомненно, такая метанаучная задача находится в сфере компетенции философии.

Актуальность анализа междисциплинарного и собственно философского дискурса модальности прослеживается на разных уровнях – от невыявленности его методологического потенциала для научных исследований до проблемы некорректности содержательного наполнения понятия «модус» в философии или даже полного отсутствия такового наполнения. Так же остается неосмысленной специфика объектов, интерпретируемых как модальные.

Немногие исследователи, обратившиеся к философской разработке интересующих нас понятий, утверждают, что модальность есть самая глубокая философская категория, выражающая сущностную вариативность бытия [1. С. 53, 55]. Специалисты характеризуют модальность как одну из самых «загадочных» категорий языка и мышления [2; 3. С. 78]. Если в лингвистике, музыке, логике, правоведении, экономике и точных науках эти понятия имеют конкретное, хотя при этом зачастую очень расплывчатое, значение, то в отечественной философии, эстетике, педагогике и социологии они в большинстве случаев используются интуитивно, без уточнения или даже какого-либо обозначения содержания. В подтверждение тому можно привести целый список работ¹.

Очертим смысловое поле модальности в ряде гуманитарных наук.

Модальность суждения в логике – это характеристика суждения в зависимости от характера устанавливаемой им достоверности, т. е. от того, утверждается ли в нем возможность, действительность или необходимость чего-либо о чем-либо. По модальности суждения различаются силой или степенью выраженной в нем необходимости, с которой предикат принадлежит субъекту, а так же качеством той «зоны» бытия, в рамках которой происходит определение объекта (имеются в виду эпистемическая, ценностная, темпоральная и др. зоны). Модальная логика традиционно определяется как логическая система, изучающая структуру рассуждений, в состав которых входят модальные операторы. Но какой оператор по своему существу является модальным, а какой им быть не может, объяснить достаточно сложно. Модальных операторов великое множество, их группируют в классы алетических, эпистемических, деонтических, логических, темпоральных, аксиологических, индуктивных, модальностей изменений, так же выделяют модальности *de re* и *de dicto* (внешнюю и внутреннюю). По сути, любая предикация может быть элементом модальной логики. Как отмечает М.Н. Эпштейн, из приводимого списка модальностей невозможно заключить, что же существенно и необходимо объединяет их таким образом, что исключает из этого списка другие предикаты [2.С.286-287].

В математике и математической логике имеет место понятие «модальные онтологии». Воронежский философ В.И. Моисеев называет разрабатываемую им логическую систему проективно-модальной онтологией; данная система родственна логике Станислава Лесьневского и представителей философии всеединства. А.Ф. Кудряшов характеризует математические модальные онтологии как проекции классических модальных операторов на системы исчислений. В любом конкретном случае математического рассуждения всегда подразумевается соотнесенность с определенной системой онтологии. Математик своими вычислениями конструирует различные модальные миры: либо это «мир, как он есть» (аподиктическая или ассерторическая модальности), либо мир «как должно быть» (деонтическая модальность), «как может быть» (возможность), «как могло бы быть» (вероятность или гипотетическая необходимость). Каждая модальная онтология имеет собственную логику доказательств, типы построения уравнений, допущения погрешностей [4].

Многозначно содержание понятия «модальность» в *музыкальной теории*. Прежде всего, модальность – это гармоническая структура, противостоящая по своей логике тональности. Если тональность отличают априорная централизация и четкое неизменное распределение между ступенями звукоряда и созвучиями ладовых функций (тоника, доминанта, субдоминанта, медианты), то модальные системы пластичны, централизация, т.е. опорность и устойчивость, в них результативны, возникают под воздействием различных, в том числе немusических факторов, например, логики развертывания текста в вокальной музыке. То есть, мо-

дальная гармоническая структура отлична тем, что любая её ступень или созвучие может принимать любую форму, воплощать любую функцию в зависимости от гармонического, ритмического, регистрового и других контекстов.

Обобщение проявлений модальности в музыке приводит к интересным выводам: модальность в музыке связана и с идеей меры, измерения, нормы, правила, с реализацией различных форм той или иной гармонической сущности, также музыкальный модус может являться моделью, архетипом, инвариантом. В теории Е. Назайкинского модус принимает содержательное значение и трактуется как форма художественного бытия некоторого смысла: «музыкальный модус – это целостное, конкретное по содержанию (то есть одно из множества возможных), художественно опосредованное состояние, объективируемое в музыке в различных формах, различными средствами и способами» [5. С. 239]. К основным художественным модусам-измерениям он относит эпос, лирику и драму, то есть роды искусства по Аристотелю.

Модус-модель – это мелодические и ритмические модели модальной музыки, нормы, образцы строения напевов и инструментальных композиций. В то же время модус-род – это тот интонационный инвариант, который проступает в каждом средневековом напеве или традиционной индийской раге. Модусом-архетипом или протообразом можно назвать ладомелодические модели раг, модусов, православных гласов, поскольку они являлись как бы концентрированной интонацией, в рассредоточенном виде составлявшей музыкальную ткань. Особенно существенно это значение в системе древнерусского осьмогласия: «Сравнение «подобных» строк гласа показывает, насколько бесконечны возможности видоизменения архетипической модели гласа. ...Глас способен на многие жанровые перевоплощения, и в то же время выступает в роли системы, регулирующей возможности интонационной свободы» [6. С. 484-485].

Заслуживает особого внимания трактовка модуса как *измерения*. С одной стороны она связана с пониманием модуса как *меры*. Действительно, средневековые ритмические модусы – это в прямом смысле меры времени, особенно модусы-способы деления длительностей. Таких нормативных модусов было всего шесть, и они исчерпывали собой все ритмическое разнообразие музыки той эпохи. В этимологии слова *modo* теоретик эпохи Возрождения Дж. Царлино (1517-1590) выделяет смысловые аспекты, фиксирующие значения меры, порядка, самоограничения [7]. В этом плане понимался в средневековье и термин модуляция – как искусство размеренного, расчлененного, организованного движения. В этом смысле модусы-лады выступают как меры или законы музыкального развития. Но модус – это еще и измерение как уровень бытия, например, эпос, лирика и драма – это именно планы бытия, его художественные измерения. Модус-отношение, модус-наклонение возможен только тогда, когда выявлены некие измерения бытия, относительно которых и принимается наклонение. Например, время и вечность – в категориях вечности многое, связанное с настоящим, теряет своё значение. Модальность высказывания, в том числе и художественного, формируется в зависимости от того, находимся мы в измерении времени или в плане вечности, в измерении биологическом или социальном, гносеологическом или эстетическом и т.п.

Музыкальный модус следует понимать так же и как *отношение* – это отношения элементов модуса-лада или длительностей мензурального ритма в системе, их отношение к целому и к контексту, в зависимости от которого и выявляется их определенность. В то же время, модус в плане содержания это отношение говорящего (композитора) к предмету высказывания (художественным образом). «Модус как целостный музыкальный феномен может восприниматься, осознаваться и получать теоретическое определение с различных сторон: и со стороны содержания, и со стороны формы; и как приковавшая внимание вечная в своей неповторимости данность, и как преходящее состояние» [5. С. 242].

Музыкальный модус – явление глобальное и многоликое. Это и композиционные (ладовые и ритмические) структуры, и функциональная система, и интонационный инвариант, и конкретные модели, и тип объективации художественного содержания. В качестве еще одного подтверждения этому можно привести одно из основных понятий арабской, турецкой и иранской музыки, аналогичное по содержанию термину «рага», – макам. Оно обозначает жанр, принцип развертывания на основе модальной ладовой организации, тип метроритмики, психоэмоциональный модус, мелодические модели и лад с особой дифференциацией тонов [8. С. 320].

Чтобы понять сущность *грамматической модальности*, нужно абстрактно разделить высказывание на пропозицию и сопутствующее ей семантическое поле («диктум» и «модус» в терминологии основателя западноевропейской лингвистической теории модальности Шарля Балли). Пропозиция является базисной дескриптивной частью любого высказывания, информирующей об определенном положении дел, которое имеет место в мире действительном или возможном. Она содержит объективную информацию, не зависящую от ситуации речевого общения и ее участников. Остальные значения, отражающие разноплановые отношения субъекта речи к положению дел, обозначенному в пропозиции, образуют так называемую «модальную рамку» [9. С.70]. На пропозитивный смысл могут накладываться дополнительные значения трех типов – диктумные, модусные и каузальные. Модусные значения разделяют на имеющие семантику восприятия (субъективной интерпретации) и оценки, во втором случае характеристика может либо относиться к субъекту действия, либо приписываться объекту со стороны субъекта действия [10. С. 16-17].

Модальная рамка возникает в результате так или иначе выраженных в языке значений актуальности/потенциальности (возможности, необходимости, гипотетичности и т. д.), оценки достоверности, коммуникативной установки высказывания, утверждения/отрицания, засвидетельствованности (пересказыва-

ния/непересказывания). В.Б. Касевич полагает, что высказывания могут иметь сразу несколько модальных рамок: «внутреннюю» (соответствующую традиционной объективной модальности), «внешнюю» (соответствующую субъективной модальности) и коммуникативную или целевую [11].

К сущности грамматической модальности прямое отношение имеет наклонение глагола или его *модус*. Наклонение – это грамматическая категория, эксплицирующая способ регулирования субъектом речи воздействия коммуникации на адресата [9. С. 90]. Наклонением также принято считать морфологически выраженную передачу модальных оттенков сказуемого [12. С.93]. Иными словами, в образовании грамматической модальности активно участвуют модальные глаголы. Интересным для философских изысканий представляется тот факт, что в русском языке наклонений, грамматически оформленных посредством нормативных структур, всего три – изъявительное, повелительное и сослагательное. В других языках их гораздо больше; выделяют оптатив, потенциалис, ирреалис, условное, эвиденциальное, эпистемическое, аудитивное, отрицательное и другие наклонения [12, 13]. Так, эвиденциальные грамматические формы позволяют говорящему уточнить, что он не является непосредственным свидетелем события, а знает о нем лишь с чужих слов (в ряде языков выделяют аналогичную форму пересказывательного наклонения). К примеру, в дагестанском языке встречается и такая форма глагола, которую достаточно употребить, чтобы стало ясно, что сообщаемая информация не засвидетельствована говорящим лично, а, например, выведена им по каким-то косвенным признакам. В русском языке приблизительно тот же семантический эффект можно достичь введением оборотов «судя по всему», «не иначе», «похоже» и др.

Но еще более привлекает внимание то, что в русском языке нет как таковых модальных глаголов: наклонение выражается либо постановкой глагола в форму определенного лица и числа, либо с помощью частиц пусть, пускай, -ка, да, давай, давайте («Давайте говорить друг другу комплименты...» Б. Окуджава – повелительное наклонение). В романских языках, напротив, модальные глаголы представляют собой особый грамматический класс. Они выражают не действие или состояние, а отношение говорящего к действию [14. С. 755] и употребляются обычно вместе с другим глаголом, по отношению к которому и строится модальная рамка (аналогичная ситуация обозначается Ш. Балли с помощью пары терминов «модальный глагол – диктальный глагол»). Модальные глаголы английского языка – это *can (could), may (might), must, ought to, need*, немецкого – *wollen, mögen, können, dürfen, müssen, sollen*.

Главная особенность модальных глаголов, на наш взгляд, это их так называемая синонимия – способность сближаться друг с другом по семантике и выражать различные оттенки модальных значений. Модальные глаголы образуют целые синонимические ряды, выражающие различные оттенки возможности, долженствования, приказа, просьбы, желания, предположения, запрета. И наоборот, один и тот же модальный глагол, в зависимости от грамматического и лексического контекста может выражать практически любую модальную установку.

Какие же именно языковые отношения и ситуации являются модальными? Ответить на этот вопрос непросто, поскольку смысловые условия модальности высказывания разнородны. Традиционно отмечается, что термин модальность охватывает достаточно большой круг явлений, неоднородных по смысловому объему, грамматическим свойствам и по степени оформленности на разных уровнях структуры языка [15.С.239]. Мы оказываемся в ситуации, аналогичной той, которая возникает при попытках выяснить, что делает ту или иную логическую систему модальной. Ответить на вопрос «какие именно логические отношения являются модальными?» так же сложно, как и выявить семантически-смысловой инвариант языковой модальности. Бирюлин и Корди отмечают, что в практике лингвистических исследований границы употребления термина «модальность» утратили свою определенность. Трактровка модальности в современной лингвистике необычайно широка, и трудно найти двух авторов, которые понимали бы модальность одинаково [9. С. 67].

Термин модальность широко применяется в *психологии* для обозначения принадлежности к определенной сенсорной системе (анализатору). В таком случае различаются модальности зрительная, слуховая, обонятельная, тактильная, вкусовая. По мнению Д.И. Дубровского, всякое восприятие внешних явлений полимодально, поскольку наш организм как самоорганизующаяся система не может ограничиться только отображением внешней действительности. Каждый акт восприятия сопровождается процессами самоотображения, поэтому следует говорить и о модальностях внутреннего порядка – сюда Давид Израилевич относит боль, чувство голода, жажды, двигательные, соматические ощущения [16. С. 89]. Другие психологи так же отмечают, что существуют модальности, представляющие нам информацию, идущую от внутренних органов – вестибулярная, проприоцептивная, болевая, температурная [17. С. 90].

Но модальности восприятия – лишь часть содержательного поля данного термина в рамках психологии. В этой науке, как ни в какой другой, широк тезаурус понятия «модальность». В различных исследованиях выделяются декстральные и синистральные модусы мышления [18], психические модусы бытия и обладания [19], модусы интегрированности психики [20]. Представители британской школы психоанализа П. Фонаги и М. Трагет понимают под модусами стадии развития ментализации, выделяя игровой модус, рефлексивный модус и модус психической эквивалентности [21]. Сознание интерпретируется в модусах мышления и психики (как это делают М. Мамардашвили и А. Пятигорский); отдельно выделяются модусы объективации сознания – язык, внешние объекты, идеология, миф и т.д. Французский философ-психоаналитик Жак Лакан выделяет в психике регистры биологический и человеческий, говорит о регистре Я и т.п. Практически каж-